

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕНАБЛЮДАЕМОМУ СЕКТОРУ ЭКОНОМИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ
(НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)*****Ольга Сергеевна КОЛЕСНИКОВА**

аспирантка кафедры финансов,
 младший научный сотрудник лаборатории региональных социально-экономических исследований,
 Амурский государственный университет (АмГУ), Благовещенск, Российская Федерация
 kolesnikova.o.s@yandex.ru
 ORCID: отсутствует
 SPIN-код: 7868-4851

История статьи:

Рег. № 564/2019
 Получена 20.08.2019
 Получена в доработанном
 виде 08.10.2019
 Одобрена 11.11.2019
 Доступна онлайн
 13.12.2019

УДК 332.1**JEL:** H26, R13, R58**Аннотация**

Предмет. Проблема разработки механизма противодействия ненаблюдаемой экономике на региональном уровне.

Цели. Выявление особенностей формирования механизма противодействия ненаблюдаемой экономике на региональном уровне (на примере регионов Дальнего Востока России). Обоснование необходимости учета региональной специфики при разработке превентивных мер.

Методология. Для выявления особенностей формирования механизма противодействия ненаблюдаемой экономике на региональном уровне используются методы экономико-статистического и сравнительного анализа. Определение преобладающих факторов роста ненаблюдаемого сектора основано на методике количественной рейтинговой оценки.

Результаты. Регионы Дальнего Востока России значительно дифференцированы по уровню экономического развития и качеству жизни населения, вследствие чего для каждого субъекта можно выделить основной фактор роста теневого сектора. Отдельные регионы могут иметь несколько факторов риска (например, Амурская область и Еврейская автономная область), однако важно понять, какой из них является основополагающим.

Выводы. Механизм противодействия ненаблюдаемой экономике должен разрабатываться для каждого отдельного региона с опорой на ведущий (основной) фактор, обуславливающий наличие в структуре официальной экономики теневого сектора. Важно акцентировать внимание не на борьбе с феноменом теневой экономики, а на снижении у населения стимулов к переходу из официальной экономики в ненаблюдаемую. Формирование механизма противодействия ненаблюдаемому сектору должно включать разработку соответствующей системы мониторинга, что требует совершенствования налоговой и статистической форм отчетности, а также принятия единой методологии оценки масштабов данного явления. При разработке превентивных мер важно предусмотреть мероприятия, направленные на восстановление связи между процессом уплаты налогов и получением выгод от потребления общественных благ, что, на наш взгляд, находится в компетенции региональных властей.

Ключевые слова:

ненаблюдаемая (теневая)
 экономика, экономическое
 развитие, региональная
 экономика, качество жизни,
 Дальний Восток России

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2019

Для цитирования: Колесникова О.С. Особенности формирования механизма противодействия ненаблюдаемому сектору экономики на региональном уровне (на примере регионов Дальнего Востока России) // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17, № 12. – С. 2347 – 2359.
<https://doi.org/10.24891/re.17.12.2347>

Достижение устойчивого экономического роста и развития является одной из важнейших целей макроэкономической политики Российской Федерации. Это обусловлено тем, что растущая экономика позволяет более эффективно решать социально-экономические проблемы как внутри страны, так и на мировой арене.

В соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹ регионы Дальнего Востока России относятся к геостратегическим территориям, призванным внести существенный вклад в обеспечение устойчивого экономического развития страны. Это делает актуальным исследование факторов, которые могут оказать негативное влияние на социально-экономическое положение субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО).

Общепризнанно, что одним из таких факторов является ненаблюдаемая (теневая) экономика, под которой в данном исследовании понимаются виды деятельности, которые скрыты от органов государственной власти в целях уклонения от уплаты налогов и взносов на социальное страхование; уклонения от необходимости следовать определенным предусмотренным законодательством стандартам (минимальные размеры оплаты труда, максимальная продолжительность рабочего дня, соблюдение стандартов безопасности и санитарных норм) и определенным административным процедурам (заполнение статистической отчетности или других административных форм)².

Исследованием вопросов, связанных с ненаблюдаемой сферой, занимались

зарубежные и российские авторы L. Medina [1], A. Buehn [2], A.A.M. Davidesku [3], F. Schneider [4–6], В.Ю. Буров, Л.А. Бурова, В.Н. Гонин [7], Н.В. Артемьев, Ю.В. Латов [8], А.П. Киреенко, Ю.Б. Иванов [9], Н.В. Черемисина [10], О.А. Цепелев [11], А.Л. Суслина, Р.С. Леухин [12], Е.Т. Гурвич [13], Д.Ю. Федотов [14], А.В. Костин [15] и др.

Обзор работ данных авторов позволяет охарактеризовать рассматриваемую проблему как актуальную, но, в то же время, недостаточно изученную, в особенности для постсоветских стран, в которых формирование рыночной экономики до сих пор продолжается. Уменьшение размера налоговых выплат путем налоговой оптимизации, то есть без прямого нарушения налогового законодательства, а также путем применения теневых схем в этих государствах стало нормой поведения для многих хозяйствующих субъектов, вынужденных таким образом выживать в условиях несовершенной институциональной среды [16]. Остается слабо изученной и региональная специфика теневых экономических отношений.

Как известно, теневая экономика существует наряду с экономикой официальной с момента возникновения налоговых отношений между экономическими агентами и государством. На сегодняшний день сформировалось четкое понимание того, что ни одно государство не в силах полностью устранить данное явление. Не возникает сомнения в том, что необходимо уделять должное внимание разработке механизмов противодействия теневой экономике, а также принятию превентивных мер в целях предотвращения ее дальнейшего роста и распространения или же удержания на достигнутом, приемлемом для страны или региона уровне.

Особенно остро стоит вопрос о разработке механизмов снижения и предотвращения дальнейшего роста уровня теневой экономики на региональном уровне. Однако в настоящее время решение данной проблемы осуществляется преимущественно в централизованном порядке без учета региональной специфики.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00792

«Исследование факторов пространственной дифференциации ненаблюдаемой экономики, обеспечивающих сбалансированное развитие Дальнего Востока России».

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р). URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAUqUfT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf>

² Измерение ненаблюдаемой экономики: Руководство. М.: Статистика России, 2003. 295 с.

Необходимость разработки мер по снижению доли теневой экономики на региональном уровне обусловлена, на наш взгляд, высокой степенью территориальной дифференциации данного явления по регионам России в целом и Дальнего Востока в частности. Это свидетельствует о том, что и причины «теневизации» экономики могут разниться по субъектам: в том или ином регионе может быть выделен основной, первичный фактор ухода в «тень» (помимо общеэкономических факторов, обусловленных тенденциями развития всей российской экономики). Соответственно, выявление превалирующего для региона фактора и проведение работ по снижению его проявления может способствовать сокращению объемов теневого сектора в рамках отдельной территории, а, следовательно, и страны в целом.

Важно отметить, что различия по масштабам теневой экономики на отдельных территориях, расположенных в одной стране, характерны не только для России. Так, например, в Италии наивысший уровень теневой экономики имеет место в южных районах страны, где налогоплательщики занижают суммы облагаемых доходов или вообще не платят налоги в 75–80% случаев. Промышленно развитые области на севере Италии наиболее дисциплинированы в этом отношении: здесь количество нарушителей налогового законодательства составляет 20–35% [16].

Взаимосвязь уровня экономического развития и масштабов теневого сектора отмечена во многих альтернативных исследованиях. При этом наиболее явно прослеживается корреляция теневой экономики с качеством жизни населения.

Проведенный нами статистический анализ качества жизни населения в регионах Дальнего Востока России позволил выстроить их рейтинг по основным показателям, что способствовало выявлению факторов, которые, при прочих равных условиях, могут привести к росту уровня теневой экономики на каждой конкретной территории (табл. 1). Важно отметить, что рейтинг основан исключительно на

количественных характеристиках (по данным Росстата).

Так, первичным фактором, обуславливающим наличие в структуре экономики Республики Саха (Якутия) теневых экономических отношений, является высокий уровень безработицы и низкий уровень занятости населения. Дополнительный фактор, тесно связанный с основным, – доходы населения и социальное неравенство.

По данным 2017 г., Республика Саха (Якутия) находится на втором месте по уровню бедности, несмотря на то, что среднедушевые доходы достаточно высоки, а разрыв между богатыми и бедными незначительно отличается от значения данного показателя по другим субъектам. На наш взгляд, данная тенденция может быть обусловлена в том числе и высокой долей сельских жителей в общей численности населения региона (рис. 1), занятых преимущественно сельским хозяйством и иной традиционной хозяйственной деятельностью (охотой, рыболовством и т.п.).

Подобная тенденция отмечена и в двух других регионах, в которых в 2017 г. зарегистрирован самый низкий в ДФО уровень доходов: доля сельского населения в общей численности населения Амурской области в 2017 г. составила 32,6%, в Еврейской автономной области (ЕАО) – 31,2%.

Следует указать, что ЕАО и Амурская область имеют наибольшее количество факторов риска формирования и роста теневой экономики (табл. 1).

Достаточно благоприятная ситуация по показателям качества жизни отмечается в Чукотском автономном округе. В то же время в данном субъекте зарегистрирован наибольший отток населения среди регионов ДФО (коэффициент миграционного прироста в 2017 г. составил –132). Данная тенденция во многом объясняется тем, что на Дальнем Востоке, в первую очередь в труднодоступных населенных пунктах, значительно дороже коммунальные услуги и продукты. Таким образом, столь высокий уровень доходов

в Чукотском автономном округе (наибольший в ДФО) является в большей степени компенсационным, так как и уровень цен в регионах-лидерах достаточно высок. При этом высокий уровень доходов компенсирует не только дороговизну текущего потребления, но и потери в комфорте и качестве жизни из-за суровых погодных условий и удаленности от других регионов.

Становится очевидным, что для анализа качества жизни не столько важен уровень доходов населения, сколько покупательная способность. Кроме того, на наш взгляд, при разработке политики, направленной на повышение качества жизни, необходимо стремиться не к росту среднедушевых доходов, рассчитываемых как средняя арифметическая, а к повышению модалного и медианного дохода, которые позволяют увидеть более реальную картину [17]. Наглядное подтверждение этому представлено на рис. 2.

Неблагоприятная социально-экономическая обстановка способствует не только оттоку населения из страны или региона. Высокий уровень безработицы в совокупности с низким спросом на труд и высоким уровнем цен напрямую способствует росту теневой (неформальной) занятости [18].

По данным статистики, численность занятых в неформальном секторе экономики ДФО в 2017 г. насчитывала 604,2 тыс. чел. Из них 93% (561,9 тыс. чел.) работали только в неформальном секторе и 7% (42,3 тыс. чел.) – в неформальном секторе и вне его (табл. 2). Наибольшая доля населения, занятого в «тени», отмечена в Приморском крае и Еврейской автономной области (24,8% и 24,6% соответственно).

Решение проблемы неформальной занятости имеет большое значение для российских регионов. Это обусловлено тем, что неофициальное трудоустройство, а также функционирование без официального разрешения негативно сказывается на величине поступлений в бюджет налога на доходы физических лиц (НДФЛ), который

является бюджетообразующим налогом для большинства субъектов ДФО [19].

При недополучении налоговых доходов региональные власти не могут в полной мере финансировать свои обязательства, поэтому возникает необходимость увеличения налоговой нагрузки на налогоплательщиков, функционирующих в официальном секторе, что стимулирует дальнейший рост теневой экономики и приводит к необходимости ужесточения бюджетных ограничений в государственном секторе [20].

Наглядно влияние повышения общей налоговой нагрузки на уровень теневой экономики можно проследить на следующем примере. В 2011 г. в Российской Федерации ставка на страховые взносы возросла с 26 до 34% (рис. 3), что, в свою очередь, привело к росту издержек на рабочую силу в официальной экономике.

С увеличением разницы между общей стоимостью рабочей силы в официальной экономике и величиной трудового дохода после уплаты налогов увеличился и стимул, как у работодателей, так и у работников избежать уплаты этой разницы путем участия в теневой деятельности. В результате данных преобразований доля доходов, не учтенных налоговыми органами, в общей сумме налогооблагаемых доходов Амурской области увеличилась с 12,6% в 2010 г. до 20,3% в 2011 г. (рис. 4).

В последующие годы тенденция роста налоговых потерь сохранилась, несмотря на то, что ставка на страховые взносы в 2012 г. была снижена на 4%.

На наш взгляд, добиваться снижения уровня теневой экономики и одновременного увеличения суммы налоговых поступлений в бюджет следует не путем применения высоких налоговых ставок и «силовых» приемов взыскания, а путем расширения налоговой базы и числа налогоплательщиков. При этом общая налоговая нагрузка и режим уплаты должны оставаться демократичными, не побуждая налогоплательщиков к переходу в теневой сектор экономики. При применении

налоговых инструментов в целях противодействия теневой экономике акцент должен быть сделан именно на стимулирующей функции налога. Отметим, что данное теоретическое обоснование созвучно с известной кривой Лаффера, подтверждающей взаимосвязь между уровнем налоговых ставок и объемом поступлений в бюджет.

Можно утверждать, что в основу разработки механизма противодействия теневой экономике на региональном уровне должна быть положена работа с первичными внутренними факторами риска, характерными для определенной территории. В данном случае важно опираться не только на количественные данные, но и на качественные характеристики экономического развития региона и качества жизни населения. Дело в том, что низкое качество жизни расценивается населением как отсутствие эквивалентности между налоговыми платежами и получаемыми благами со стороны государства, что, в свою очередь, является дополнительным стимулом перехода в теневой сектор экономики, где отсутствуют налоговые издержки.

Указанный факт подтверждается тем, что в развитых странах ситуация в целом выглядит парадоксально с позиций устоявшихся в России представлений: чем выше уровень налогового давления, тем меньше масштабы уклонения от уплаты налогов и относительные размеры теневого сектора экономики. В скандинавских странах, где долгое время сохраняется один из самых высоких уровней налогообложения в мире (более 40 % ВВП), но слабо развита коррупция и поддерживается явно выраженная зависимость между уплаченными налогами и обратными потоками общественных услуг, размеры теневой экономики оцениваются как одни из самых низких в Европе (например, в Норвегии – менее 10% ВВП) [21].

Таким образом, при работе с региональными факторами роста теневой экономики принципиально важным направлением является совершенствование демократических институтов в целях восстановления связей между процессом уплаты налогов и

получением выгод от потребления общественных благ.

Важным направлением в работе с региональными факторами должно быть создание благоприятных условий для открытия новых производств и новых рабочих мест. Новые производства и рабочие места должны создаваться преимущественно в тех регионах, в которых зарегистрирован наиболее высокий уровень безработицы (например, Еврейская автономная область, Республика Саха (Якутия)).

В то же время, учитывая тенденции миграции населения в регионах Дальнего Востока России, необходимо уделять должное внимание вопросу повышения рождаемости в регионах и торможению процесса переезда жителей в другие регионы или за пределы страны.

Помимо перечисленных мер, важную роль в разработке механизма противодействия теневой экономике играет система мониторинга: необходимо систематически отслеживать текущий уровень теневой экономики с целью принятия своевременных решений органами власти и управления, направленных на обеспечение сбалансированного экономического развития регионов Дальнего Востока России с учетом факторов пространственной дифференциации ненаблюдаемой сферы. Для этого крайне важно обеспечить объективность налоговой и статистической отчетности, а также выработать общепринятую методику оценки уровня ненаблюдаемой экономики на государственном уровне, но с учетом региональной специфики.

Данные по уровню ненаблюдаемой экономики должны быть включены в систему статистической отчетности и открыты для внешних пользователей. Эти меры позволят обеспечить оперативный мониторинг данных, а также объективное межрегиональное сравнение масштабов ненаблюдаемого сектора.

Подводя итог, отметим, что меры противодействия теневой экономике должны разрабатываться для каждого конкретного

региона. При этом акцент следует сделать не на борьбу с феноменом теневой экономики как таковым, а на создание благоприятных условий жизни населения, при которых отсутствуют стимулы перехода из официальной экономики в «тень».

Таблица 1

Рейтинг регионов Дальнего Востока России по основным показателям уровня жизни населения (по данным 2017 г.)

Table 1

Rating of the Russian Far East regions according to the main indicators of standard of living of the population (based on the 2017-year data)

Регионы ДФО	Доходы населения и социальное неравенство	Уровень занятости и безработицы	Миграция населения	Здоровье населения	Доступность базовых услуг	Уровень безопасности
Республика Саха (Якутия)	5	6	6	1	5	4
Камчатский край	4	2	2	3	2	4
Приморский край	7	5	5	6	5	5
Хабаровский край	6	4	4	5	5	3
Амурская область	8	6	3	6	4	7
Магаданская область	2	3	7	4	1	2
Сахалинская область	3	4	1	2	3	6
ЕАО	9	7	8	7	6	3
Чукотский автономный округ	1	1	9	5	1	1

Источник: авторская разработка по данным Росстата

Source: Authoring, based on the Rosstat data

Таблица 2

Распределение населения, занятого в неформальном секторе, по типу занятий в 2017 г.

Table 2

Distribution of the population employed in the informal sector by occupation in 2017

Регионы	Занятые в неформальном секторе, % к общей численности занятого населения	Доля занятых только в неформальном секторе, %	Доля занятых в неформальном секторе и вне его, %
РФ	19,8	93,3	6,7
ДФО	19,2	93	7
Республика Саха (Якутия)	17,3	86,8	13,2
Камчатский край	16,8	91,7	8,3
Приморский край	24,8	94,8	5,2
Хабаровский край	12,7	92,7	7,3
Амурская область	19,6	93,8	6,2

Магаданская область	17,4	94,7	5,3
Сахалинская область	19,6	94,1	5,9
Еврейская автономная область	24,6	92,4	7,6
Чукотский автономный округ	8,8	92,6	7,4

Источник: авторская разработка по данным Росстата

Source: Authoring, based on the Rosstat data

Рисунок 1

Доля населения, проживающего в сельской местности, в общей численности населения в регионах Дальнего Востока России и в целом по РФ в 2017 г., %

Figure 1

Percentage of the rural area population in the total population of the Russian Far East regions and all over the Russian Federation in 2017

Источник: Росстат

Source: The Rosstat data

Рисунок 2

Среднедушевые доходы населения ДФО в 2017 г., руб./мес.

Figure 2

Per capita income of the population of the Far Eastern Federal District in 2017, RUB per month

Источник: Росстат

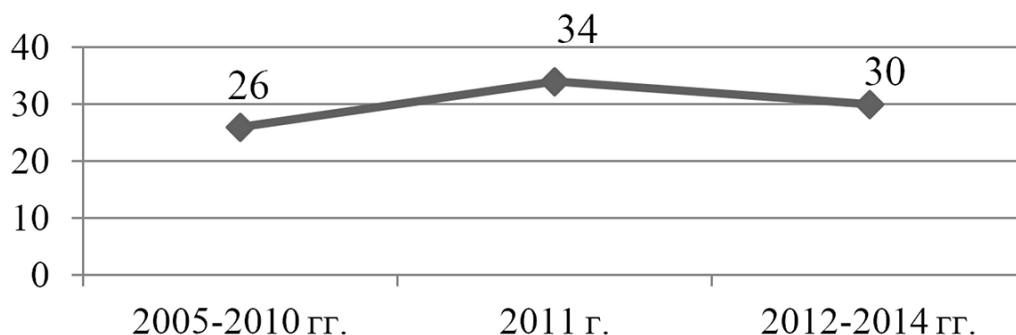
Source: The Rosstat data

Рисунок 3

Динамика ставки страховых взносов (до 1 января 2010 г. – единого социального налога) в 2005–2014 гг., %

Figure 3

Changes in health insurance premiums (up to January 1, 2010 – unified social tax) in 2005–2014, percent

Источник: Налоговый кодекс РФ, законодательные акты РФ

Source: The Tax Code of the Russian Federation, legislative acts of the Russian Federation

Рисунок 4

Доля неучтенных доходов в общей сумме налогооблагаемых доходов в Амурской области в 2010–2014 гг., %

Figure 4

Percentage of undocumented income in the total amount of taxable income in the Amur Oblast in 2010–2014

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Medina L., Schneider F. Shadow Economies around the World: New Results for 158 Countries Over 1991–2015. *Department of Economics Johannes Kepler University of Linz. Working Paper*, July 2017, no. 1710. URL: <http://www.econ.jku.at/papers/2017/wp1710.pdf>
2. Schneider F., Buehn A. Shadow Economy: Estimation Methods, Problems, Results and Open Questions. *Open Economics*, 2017, vol. 1, iss. 1, pp. 1–29. URL: <https://doi.org/10.1515/openec-2017-0001>
3. Davidescu A.A.M. Estimating the Size of Romanian Shadow Economy Using Gutmann's Simple Currency Ratio Approach. *Theoretical and Applied Economics*, 2013, vol. 20, no. 10, pp. 33–48. URL: <http://store.ectap.ro/articole/911.pdf>
4. Schneider F. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? *IZA Discussion Paper*, 2012, no. 6423. URL: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf>

5. *Schneider F.* The Influence of Public Institutions on the Shadow Economy: An Empirical Investigation for OECD Countries. *Review of Law & Economics*, 2010, vol. 6, iss. 3, pp. 441–468. URL: <https://doi.org/10.2202/1555-5879.1542>
6. *Schneider F.* Shadow Economies and Corruption All Over the World: What Do We Really Know? *IZA Discussion Paper*, 2006, no. 2315. URL: <http://ftp.iza.org/dp2315.pdf>
7. Буров В.Ю., Бурова Л.А., Гонин В.Н. Уклонение от уплаты налогов как фактор снижения экономической безопасности малого предпринимательства: монография. Чита: ЗабГУ, 2014. 188 с.
8. Артемьев Н.В., Латов Ю.В. Институционально-экономические причины «теневизации» малого бизнеса России // *Terra Economicus*. 2015. Т. 13. № 1. С. 61–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalno-ekonomicheskie-prichiny-tenevizatsii-malogo-biznesa-rossii/viewer>
9. Киреенко А.П., Иванов Ю.Б. Оценка теневой экономики на основе показателей уровня и качества жизни населения // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2013. № 4. С. 109–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-tenevoy-ekonomiki-na-osnove-pokazateley-urovnya-i-kachestva-zhizni-naseleniya/viewer>
10. Черемисина Н.В. Методы статистической оценки теневой экономики // *Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2006. № 3-2. С. 96–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-statisticheskoy-otsenki-tenevoy-ekonomiki/viewer>
11. Цепелев О.А. Ненаблюдаемая экономика региона: проблемы измерения и оценка качества данных // *Известия ИГЭА*. 2007. № 2. С. 64–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nenablyudaemaya-ekonomika-regiona-problemy-izmereniya-i-otsenka-kachestva-dannyh/viewer>
12. Суслина А.Л., Леухин Р.С. Борьба с теневой экономикой в России: частные аспекты общих проблем // *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал*. 2016. № 6. С. 46–61. URL: https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2016/6/Statii/fm_2016_6_04.pdf
13. Гурвич Е.Т., Суслина А.Л. Динамика собираемости налогов в России: макроэкономический подход // *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал*. 2015. № 4. С. 22–33. URL: https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2015/4/fm_2015_4.pdf
14. Федотов Д.Ю. Влияние налоговой системы на теневую экономику // *Финансы и кредит*. 2015. Т. 21. Вып. 41. С. 10–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-nalogovoy-sistemy-na-tenevuyu-ekonomiku/viewer>
15. Костин А.В. Теневая экономика и государственное управление // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 18–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-i-gosudarstvennoe-upravlenie/viewer>
16. Майбуров И.А., Киреенко А.П., Иванов Ю.Б. и др. Уклонение от уплаты налогов. Проблемы и решения: монография. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 384 с.
17. Цепелев О.А., Колесникова О.С. Уровень доходов населения как фактор формирования теневой занятости: региональный аспект // *Уровень жизни населения регионов России*. 2017. № 2. С. 163–168. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-dohodov-naseleniya-kak-faktor-formirovaniya-tenevoy-zanyatosti-regionalnyy-aspekt/viewer>

18. Колесникова О.С. Оценка численности населения, занятого в теневом секторе экономики: региональный аспект // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 2. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Kolesnikova.pdf>
19. Колесникова О.С. Занятость населения в теневом секторе экономики Российской Федерации: причины и последствия // Вектор экономики. 2017. № 8. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2017/8/laboureconomics/Kolesnikova.pdf>
20. Цепелев О.А., Колесникова О.С. Оценка влияния теневой экономики на величину налоговых доходов бюджета: региональный аспект // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. Вып. 5. С. 832–844. URL: <https://doi.org/10.24891/re.15.5.832>
21. Вишневский В.П., Веткин А.С. Уклонение от уплаты налогов и рациональный выбор налогоплательщика // Вопросы экономики. 2004. № 2. С. 96–108. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-2-96-108>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

FORMING A MECHANISM TO COUNTERACT THE NON-OBSERVED ECONOMY AT THE REGIONAL LEVEL: EVIDENCE FROM THE RUSSIAN FAR EAST REGIONS

Ol'ga S. KOLESNIKOVA

Amur State University (AmSU), Blagoveshchensk, Amur Oblast, Russian Federation
kolesnikova.o.s@yandex.ru
ORCID: not available

Article history:

Article No. 564/2019
Received 20 August 2019
Received in revised form
8 October 2019
Accepted 11 November 2019
Available online
13 December 2019

JEL classification: H26, R13,
R58

Keywords: shadow economy,
economic development,
regional economy, quality
of life, Russian Far East

Abstract

Subject This article discusses the development of a mechanism to counter the non-observed economy at the regional level.

Objectives The article aims to justify the need to take into account regional specifics when developing preventive measures to counter the non-observed economy. As a case study, the article is considering the Russian Far East regions.

Methods For the study, I used the methods of economic and statistical, and comparative analyses, and the quantitative rating methodology.

Results The article shows the differentiation of the Russian Far East regions in terms of economic development and quality of life of the population, which helps distinguish the main growth factor of the shadow sector for each particular region.

Conclusions A mechanism to counter the non-observed economy should be developed for each individual region taking into consideration, first of all, the main factor that determines the presence of a shadow sector in the structure of the official economy. When developing preventive measures, it is important to envisage certain actions aimed at restoring the connection between taxpaying and benefits from public goods consumption, which is supposed to be the regional authorities' responsibility.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2019

Please cite this article as: Kolesnikova O.S. Forming a Mechanism to Counteract the Non-Observed Economy at the Regional Level: Evidence from the Russian Far East Regions. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2019, vol. 17, iss. 12, pp. 2347–2359.
<https://doi.org/10.24891/re.17.12.2347>

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within research project № 18-010-00792, *A Study of Spatial Differentiation Factors of Non-Observed Economy, Ensuring a Balanced Development of the Russian Far East*.

References

1. Medina L., Schneider F. Shadow Economies around the World: New Results for 158 Countries Over 1991–2015. *Department of Economics Johannes Kepler University of Linz. Working Paper*, July 2017, no. 1710. URL: <http://www.econ.jku.at/papers/2017/wp1710.pdf>
2. Schneider F., Buehn A. Shadow Economy: Estimation Methods, Problems, Results and Open Questions. *Open Economics*, 2017, vol. 1, iss. 1, pp. 1–29.
URL: <https://doi.org/10.1515/openec-2017-0001>
3. Davidescu A.A.M. Estimating the Size of Romanian Shadow Economy Using Gutmann's Simple Currency Ratio Approach. *Theoretical and Applied Economics*, 2013, vol. 20, no. 10, pp. 33–48.
URL: <http://store.ectap.ro/articole/911.pdf>

4. Schneider F. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? *IZA Discussion Paper*, 2012, no. 6423. URL: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf>
5. Schneider F. The Influence of Public Institutions on the Shadow Economy: An Empirical Investigation for OECD Countries. *Review of Law & Economics*, 2010, vol. 6, iss. 3, pp. 441–468. URL: <https://doi.org/10.2202/1555-5879.1542>
6. Schneider F. Shadow Economies and Corruption All Over the World: What Do We Really Know? *IZA Discussion Paper*, 2006, no. 2315. URL: <http://ftp.iza.org/dp2315.pdf>
7. Burov V.Yu., Burova L.A., Gonin V.N. *Uklonenie ot uplaty nalogov kak faktor snizheniya ekonomicheskoi bezopasnosti malogo predprinimatel'stva: monografiya* [Tax evasion as a factor in reducing the economic security of small business: a monograph]. Chita, Transbaikalsk State University Publ., 2014, 188 p.
8. Artem'ev N.V., Latov Yu.V. [Institutional and economic circumstances squeezing small business out of Russia's formal economy]. *Terra Economicus*, 2015, vol. 13, no. 1, pp. 61–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalno-ekonomicheskie-prichiny-tenevizatsii-malogo-biznesa-rossii/viewer> (In Russ.)
9. Kireenko A.P., Ivanov Yu.B. [The underground economy assessment based on life quality indicators]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economic Academy*, 2013, no. 4, pp. 109–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-tenevoy-ekonomiki-na-osnove-pokazateley-urovnya-i-kachestva-zhizni-naseleniya/viewer> (In Russ.)
10. Cheremisina N.V. [Methods for statistical estimation of shadow economy]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2006, no. 3, part 2, pp. 96–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-statisticheskoy-otsenki-tenevoy-ekonomiki/viewer> (In Russ.)
11. Tsepelev O.A. [Non-observed economy of the region: problems of measurement and data quality estimation]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economic Academy*, 2007, no. 2, pp. 64–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nenablyudaemaya-ekonomika-regiona-problemy-izmereniya-i-otsenka-kachestva-dannyh/viewer> (In Russ.)
12. Suslina A.L., Leukhin R.S. [Shadow economy fight in Russia: some aspects of common problems]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Journal*, 2016, no. 6, pp. 46–61. URL: https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2016/6/Statii/fm_2016_6_04.pdf (In Russ.)
13. Gurvich E.T., Suslina A.L. [Tax collection trends in Russia: macroeconomic approach]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Journal*, 2015, no. 4, pp. 22–33. URL: https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2015/4/fm_2015_4.pdf (In Russ.)
14. Fedotov D.Yu. [The impact of the tax system on shadow economy]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2015, vol. 21, iss. 41, pp. 10–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-nalogovoy-sistemy-na-tenevuyu-ekonomiku/viewer> (In Russ.)
15. Kostin A.V. [Shadow economy and government policies]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Vestnik NSU. Series: Social and Economic Sciences*, 2012, vol. 12, no. 1, pp. 18–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-i-gosudarstvennoe-upravlenie/viewer> (In Russ.)

16. Maiburov I.A., Kireenko A.P., Ivanov Yu.B. et al. *Uklonenie ot uplaty nalogov. Problemy i resheniya: monografiya* [Tax evasion. Problems and solutions: a monograph]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2015, 384 p.
17. Tsepelev O.A., Kolesnikova O.S. [The level of incomes of the population as a factor in forming of shadow employment: the regional aspect]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards and Quality of Life*, 2017, no. 2, pp. 163–168.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-dohodov-naseleniya-kak-faktor-formirovaniya-tenevoy-zanyatosti-regionalnyy-aspekt/viewer> (In Russ.)
18. Kolesnikova O.S. [Assessment of the population employed in the shadow sector of the economy: regional aspect]. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal*, 2018, no. 2. (In Russ.)
URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Kolesnikova.pdf>
19. Kolesnikova O.S. [Employment in the informal sector of the Russian economy: causes and consequences]. *Vektor ekonomiki*, 2017, no. 8. (In Russ.) URL:
<http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2017/8/laboureconomics/Kolesnikova.pdf>
20. Tsepelev O.A., Kolesnikova O.S. [Assessment of the impact of shadow economy on the amount of tax revenue: A regional perspective]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2017, vol. 15, iss. 5, pp. 832–844. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/re.15.5.832>
21. Vishnevskii V.P., Vetkin A.S. [Tax evasion and rational choice of the taxpayer]. *Voprosy Ekonomiki*, 2004, no. 2, pp. 96–108. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-2-96-108>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.